

Культурное пространство общения

О том, как можно организовать двенадцать дней жизни

Бабушкина Татьяна Васильевна, старший преподаватель кафедры педагогики Ростовского государственного педагогического университета.

«Вдохновение» уже не первый год помогает детям и взрослым создать Заповедник Людей и Идей, открыть для каждого пространство свободной мысли и полётов — реальных и символических.

«Вдохновение» — и наш Фонд, и наш журнал. Но главное — это имя живого пространства, где соединились разные эпохи и культуры. Это — участники нашего лагеря, дружное сообщество детей и взрослых, вечный заповедник «Танаис», образовательный центр. Это — счастливая согласованность быта и поразительная переливаемость чувств. Здесь люди не имеют профессии, возраста и статуса. Здесь ценен человек с внутренним слухом времени, важна способность вдыхания атмосферы Доброты...

Я благодарна моим не спавшим друзьям, сутками записывающим слова единомышленников; поющих под «синхрон» и несущих к костру дрова. Мы здесь узнали величину светлых событий Детской Жизни, услышали голос Детства и попытались ответить ему в тон. Лена Алексеевна Никитина заметила в разговоре: важен момент проклёвывания скорлупы (заскорузлости и привычности), важен прецедент открытия. Таким открытием стал для всех нас лагерь.

Но пусть говорят мои коллеги и друзья — в последний день мы записывали друг у друга интервью.

Игорь Курочка (редактор журнала и один из организаторов Фонда): Я скажу коротко о 12 днях в палаточном городке археологического музея-заповедника «Танаис». Здесь встретились 30 детей и 20 взрослых, в их числе старые и новые друзья из Таганрога, Москвы, Туапсе. В гости в педагогический клуб Татьяны Викторовны Бабушкиной (которую мы все называли — ТиВи) прибыло 30 человек из Десногорска. Они принимали участие в совместных праздниках и делах «Башмачков». Было проведено 10 театрализованных представлений и три массовых вылета на рудаковском параплане (Евгений Константинович Рудаков — руководитель детского реабилитационного центра Десногорска ведёт занятия парапланерной секции «Парашют — летающее крыло»). Была прогулка на теплоходе по Дону и экскурсия по Старочеркасску. Лагерь пережил грандиозные съемки телевизионной программы Евгении Опариной «Костер», трехдневную конференцию «На Поляне Смыслов», один тропический ливень и поиски заснувшей на дереве девочки. И все 12 дней были пропитаны, как сладкие арбузы, солнцем. До сих пор не уходит ощущение радости нашей совместной жизни в «Танаисе».

Виолетта Хрящева, студентка Ростовского педагогического университета: Я в лагере была как «мама» — условно, конечно, потому что ещё не преподаватель и не педагог. Можно сказать, что я была «следителем». В этом «слежении» за детьми у меня возникла проблема — мне было очень трудно, дети забирали все мои силы, всю энергию... Я чувствую внутреннее, душевное состояние детей, но не вижу иногда их физическое состояние. Не успеваю правильно одеть, посмотреть, кто как поел. Они потом могут заболеть, этого нельзя допускать. Мне хотелось, чтобы дети, окунувшись в атмосферу лагеря, почувствовали себя одной семьёй. Я старалась привнести в наши отношения дружелюбие, взаимопонимание, чувство родства. Сначала они были в контакте со мной больше, чем друг с другом. Потом началось взаимопонимание. Дети стали близкими друзьями. Единомышленниками.

В последний вечер у меня накопилось очень много дел, которые надо было срочно сделать. А мы ещё должны были поставить с детьми спектакль сказки. Я не успевала. И дети

сами всё окончательно отрепетировали и организовали. Не только в самостоятельности здесь суть! Дети видели мою занятость и они даже ко мне не обратились, чтобы не помешать. Сами придумали все сценические ходы. Они нашли в спектакле для меня роль мамы. Я была мамой тигрёнка, который рождался из спального мешка в полосатой кофте. В общем прекрасный получился спектакль, а для меня стало удивительным их умение творить и показательным их воображение и желание делать всё без помощи взрослых.

Дмитрий Марзан, студент Ростовского педагогического университета: Я впервые в Танаисе. Но этот лагерь помог мне понять и почувствовать, что такое «невыносимая лёгкость бытия» (не знаю, откуда у меня эта фраза). Просто я однажды утром проснулся и почувствовал эту лёгкость бытия. Бытие лагеря помогло. Впервые здесь я встретился с таким лагерем, где нет вожатых, нет отрядов, нет столь привычной многим «воспитательной работы».

Здесь все по-другому: атмосфера сотрудничества и большая, патриархальная, семья взрослых и детей. Большая семья. Всеобщие дети. Примерно равное количество взрослых и детей. Получается не отдельные семьи, а род. И передача семейных традиций происходит не в рамках малой семьи, а посредством родовых отношений. Именно в роду можно добиться сотворчества, сотрудничества. В малой семье отношения складываются по-другому: там всё завязано на родителях, дети слушаются — статус обязывает. Но здесь именно род — родители, тети, дяди, бабушки и дедушки. Вообще много людей. Я говорил на Поляне Смыслов о том, что приехал учиться. Именно это было для меня важно. Да, это для меня опыт. Я никогда не встречал такой формы организации досуга, хотя для описания этого опыта словосочетание «организация досуга» не подходит. Это — совместная жизнь взрослых и детей.

Расскажу об одном потрясшем меня событии. Мы ставили олимпийскую сценку. Я играл Зевса, и по ходу действия меня спускали с башни (у нас было специальное снаряжение). Спустили, и тут наш ведущий — Володя Цех — случайно оговорился и сказал: «Сейчас Зевс взлетит обратно». Но поднять меня невозможно, во мне же почти два метра и я тяжёлый. Мне пришлось лезть самому, а я с детства боялся высоты. Представьте: на мне шлёпанцы, длинные одеяния. Пришлось импровизировать, полез на башню босиком, путаясь в одежду, было немного страшно из-за высоты. Но потом и дети, и взрослые подходили и говорили, что зрелище «вознесения Зевса» было потрясающим: башня на фоне чёрного ночного неба, выхваченная светом прожектора фигура в золотистой развевающейся одежде. Я-то думал, что наши снимают спектакль, но оказалось, что это вознесение и не сняли. Но я доволен, что подарил всем радость необычного действия. И таких воспоминаний много.

Алиса Хаेत, 11 лет: Я уже третий год в лагере и мне очень нравится здесь. Раньше я никогда не жила летом в палатках. Но дело даже не в этом. Наш лагерь — совершенно другой. В других лагерях какой-то строгий режим, сидишь в домиках, и вообще все строго, надо всего много делать, поэтому иногда хочется, чтобы тебя оставили в покое. А здесь: делаешь ходишь, где хочешь, ну, конечно, с другими детьми или взрослыми. Мне нравилась сама жизнь. Костёр каждый вечер... Я один раз вечером залезла на дерево и заснула.

Ещё мне очень понравилось летать, правда, я невысоко взлетела. Но мне хотелось бы ещё. Очень запомнилось, как в пяти километрах от лагеря, за Недвиговкой, мы забирались на курган. Было очень трудно. Ещё я хочу сказать вот о чём: когда я бываю одна дома, то иногда маюсь, маюсь — дела себе не найду. А в лагере всегда сразу могу найти себе интересное занятие. И потом здесь, на природе, весело. Этот лагерь — для детей, здесь весело и свободно.

Дима Патась, 14 лет: Мне очень понравилось это лето. В лагере интересно, потому что свободно. Много разных мероприятий. Почти каждый день и вечер. В других лагерях тоже много мероприятий, нет свободы, строго по времени — еда, просто погулять нельзя. А здесь есть свобода, не бардак (этого вообще не было), а именно свобода! Мне многое за-

помнилось: классный цирк, открытие Олимпиады, костры... Хотя мы поздно ложились спать, я совсем не устал. Много помогал взрослым по хозяйству. Если же сказать о впечатлении кратко: это — чувство свободы. Здесь не было плохих людей, все — добрые.

Илья Кожухарь, 11 лет: Я был в разных лагерях, и они были именно — лагеря. А здесь — поход, но в одно место. Раньше здесь был «Город путешественников», а теперь — поход «Башмачки». Сколько разных игр и спектаклей было про башмачки!.. Я вообще люблю такую жизнь: поход, палатки. Спать можно ложиться когда захочешь, и с едой — то же. Вольность. Запомнился мне полёт на парашуте. Здорово, первый раз шикарно приземлился...

Мне понравились спектакли, их было множество. Или базар. Что только там ни придумывали, что ни продавали! В принципе мне все понравилось. У меня впечатлений столько, что всё и выразить не могу. Для меня этот лагерь — подзарядка внутренних сил на весь год. Зимой я ходил на разные секции — и ничего такого не было. А здесь я общаюсь с друзьями — и заряжаюсь на весь год! Я теперь никуда больше не хочу ездить. Мама предлагала поехать на Чёрное море. Но я считаю, Танаис — лучше всех других мест.

Марина Макарова, хозяйка керамической мастерской, художник, мать двоих детей: Я в этом лагере взлетела. Первый раз. Раньше я и мечтать об этом не могла. Много летала во сне. И теперь — наяву. Ощущения очень схожие. Мне теперь вообще кажется, что летать для человека естественнее, чем ходить по земле. На земле всё время ощущаешь тяжесть, а в небе — легко и свободно. Это — ни с чем не сравнимое чувство парения. Свободный полет меняет всякого человека!

В этом лагере вообще было много необычного. Например, родилось много глубоких, философских фраз. Андрюша Назаренко стал говорить японскими трехстишьями, когда мы в последний день собирали яблоки для лагеря: «Закончился лагерь и кончилось лето; абрикосы и яблоки». Или Полина, ей 4 года, подбегает к Саше и таинственным голосом говорит: «Если к тебе кто-нибудь подойдет — исчезай!» Абсолютная загадочность и серьезность этой фразы произвели на всех просто ошеломляющее впечатление. Так и захотелось раствориться в природе Танаиса. Полина раньше была пассивным участником, я её носила на руках. А с этого лагеря для неё **многое началось** сознательно и по-настоящему.

Феномен этого лагеря в том, что никакие впечатления и события несравнимы с тем возникшим чувством родства, которое теплится внутри. Такой лагерь не может закончиться — он должен повторяться. Прошлый и позапрошлый лагеря все были удачные. Взрослые и дети жили общей жизнью, общими интересами. Была масса ярких спектаклей, представлений, впечатлений. За короткое время совместного проживания успевали возникнуть общие сердечные ритмы. Иногда люди живут годами, и у них нет поводов стать близкими, а здесь — понимание с полуслова, с полувзгляда: и уже бесконечно родные люди. Вообще лагерь запомнился атмосферой, в которой без видимых причин, но удивительным образом возникает спонтанно чувство всеобщей любви.

Возникает глубокая грусть, когда видишь, как пустеет лагерь, только остаются вывески на деревьях: «Харчевня рваного башмака», «Прокат лыж», «Подержанные пуанты», «Крылья в рассрочку». Но я поняла, что всё это — следы, шаги, пути, последствия. Они имеют продолжение, новый, более глубокий смысл. Как вся наша игра в Башмачковых. Таковы наши игры, когда каждый пишет свое кредо: «Иду за тобой» или «Иди за мной». За краем этой Поляны осталось ещё много Смыслов. Мы в жизни так часто всё меряем пройденными путями и сделанными делами, ведь за кругом внимания остаётся так много Смыслов. Глядя сейчас на опустевшую Поляну Смыслов, я понимаю, что недоиграла, мне не хватило времени...

Ещё хочу сказать об опыте прежних лагерей. Очень хороший вклад в проживание, в нашу совместную жизнь привносят уроки научения, например, полёты на парашуте или лепка. В других лагерях действовал тот же принцип: каждый педагог приходил на Поляну и передавал детям свои умения, например, как сделать свистульки. Или Наташа Лещинская учила четырёхлеток лазать по стенке. Вот, например, была Ира со своими кук-

лами, бумажными птицами и народными играми. И дети, расставаясь, увозили с собой маленький рюкзачок ярких воспоминаний, впечатлений, новых умений. В этом лагере была очень удачная, игровая, тема — Башмачки. Для маленьких были туфельки Золушки, для подростков, юношей — белые теннисные туфли, для взрослых... как сказала ТиВи: «Пойдёмте оставлять следы в жизни».

Полина, четыре года: Мне понравилось, как мы жили в палатках и как летали. Я не летала, но везде ходила, где летали. Я видела Богатыря — это гора такая из земли, называется Курган. Оттуда мы летали, а я бегала с горы вниз. Ещё был цирк: и я была обезьянка синяя, а Яна — обезьянка красная. Ещё понравился базар. Мама дала мне амфорки, такие красненькие, а все пошли за мной и стали покупать.

Алёна Прилепина: В чём секрет успеха лагеря? Прежде всего в соотношении детей младшего и старшего возраста (13–14 лет). Младших было больше, поэтому подросткам пришлось взять на себя роль взрослых. Отношения между детьми стали гармоничными. Если в прошлых лагерях было огромное количество подростков, то на этот раз подростковая субкультура не преобладала. Также причину успешности я вижу в том, что сам лагерь не был большим. Взрослых — одиннадцать человек, пять постоянных и шесть — курсирующих. Получился оптимальный вариант, и в возрастном смысле, и в отношении соединения качества и количества.

Владимир Цех: Я постоянно живу в лагере, и мне важны условия для творческой работы. Мы приехали в Танаис из лагеря, который был на море, в Геленджике. И какое же между ними различие! Здесь создалась атмосфера общности, аура, в которой все купались. ТиВи говорит, есть воздух и есть атмосфера. Так вот там, в Геленджике, был только воздух. А здесь мне хотелось всё время что-то делать. И там я готовил праздники, и здесь, но именно здесь они были — словно праздники души, потому что работа в кругу родных людей — и не работа вовсе, а удовольствие. Там — пашешь, и только, а ещё надо всем нравиться. Здесь же и работа, и удовольствие, и отдых.

На поляне Смыслов

Встреча-конференция на территории музея-заповедника «Танаис»

Татьяна Бабушкина: Я снова предлагаю отправиться в поход, который сидит на месте.

Для меня встреча на Поляне Смыслов — постижение той тайны, когда часть больше целого. Этим же мы занимались на Поляне с детьми. Первая задача нашей встрече, в моем понимании, — решить вопрос о том, **как войти в новые смыслы объединившимся взрослым, не оставившим детей? Вторая — найти способ и язык вхождения в культуру и ввода в неё ребёнка. Сейчас открывается другой способ такого вхождения: диалог, поддержка, укрепление друг друга.**

Анна Воронцова: Мы начинались со слова, доброго и продиктованного Любовью ко всему существу. Мне хотелось бы всем пожелать найти счастье, что всегда трудно, поскольку человек находится в пограничной, «стыковой» ситуации. Он — свободен, а свобода — это абсолютное одиночество. Я начертила круг — помните, как гоголевская Панночка обвела себя чертой, и свободна. **Но мы должны круги также и соединять, в этом найденном, обретенном сегменте общения находить большое человеческое счастье...** Чтобы идти по светлой дороге, её нужно запечатлеть, значит, нужно учиться. И как ни странно, взрослым учиться нужно больше, чем детям.

Любовь Бажанова: Я более двенадцати лет работаю с детьми в библиотеке и вижу, что самые развитые и начитанные молодые люди часто остаются не востребованными. Как изменить это отношение? Одна из задач для каждого — понять, выходит ли он **на верхние уровни духовного общения**, или же он находится в плоскости бытового выживания, как многие сегодня, да ещё своего ребёнка затягивает в эту плоскость, не даёт ему свободы дыхания...

Лидия Правдина: Человек должен быть гармоничен. Если он излишне уравновешен—

он не позволит естественного выражения чувств; если он адаптивен — рождается конформизм; если он склонен к чрезмерному самовыражению — он забывает об окружающих. Душевное здоровье — в мере, **в сочетании этих трёх базовых черт** — интеллекта, эмоциональности, готовности к самореализации.

Игорь Курочка: Что для нас важно? Определить среду, атмосферу, условия социального окружения. Затем, — понять способы деятельности. И наконец, — применять интересные способы, **чтобы что-то изменить вокруг нас и в себе самих.**

Евгений Рудаков: Я вижу как на обломках одной культуры рождается абсолютно новая, основанная на совершенно иных принципах. Когда я был ребёнком, то мы все везли в лагерь свои любимые книги. У сегодняшних детей этого не встретишь. Какие-то комиксы, сборники анекдотов, и всё! Огромный пласт культуры чтения рухнул в пропасть. Культура была основана на Красоте. Теперь герои детских произведений — какие-то уродцы, черепашки-мутанты. И дети рисуют уродцев. **Как изменить это? Делом.** Я по профессии врач, работаю в Центре реабилитации подростков. Мы их лечим, учим, ходим с ними в походы. И кроме того, я учу детей летать. И мне радостно, что здесь оказалось такое количество детей и взрослых, которые теперь умеют летать.

Марина Ароштан: Ситуация, как мне кажется, — переломная, а она всегда сопровождается потерями. Чаще всего теряются — слабые. Надо создавать сильное общественное движение в поддержку подлинных реформ образования. Педагогика — в определенной мере — вещь эклектичная: как наука она руководствуется знаниями о ребёнке, а как практика — она живёт чувствами. Поведение педагогического сообщества — вот проблема. Известно, что формы культурного поведения всё время меняются (в педагогическом сообществе — то же). Мы только относиться к таким переменам не научились. Надо создавать новые проекты в образовании. Показать, что у нас много частных, общественных инициатив, что у нас есть сообщество единомышленников и мы готовы поддерживать друг друга. Можно, например, организовать фестиваль, на котором дети познакомятся с античной мифологией. **В принципе у Танаиса есть реальная перспектива стать всероссийским историческим педагогическим центром.**

Игорь Курочка: Обозначились две позиции. Одна: современная культура — в кризисе. Я, например, хорошо знаю южные регионы России. Здесь, действительно, в культуре ситуация катастрофическая. Другая позиция: надо определить конкретные действия, а состояние кризиса культуры надо рассматривать как стимул в активной деятельности.

Ирина: Хочу сказать по поводу того, что всё время звучит: «Титаник! Тонем!» Я бываю во многих лагерях, куда меня приглашают учить детей делать игрушки для кукольных театров. Я вижу и сравниваю разные педагогические ситуации, и у меня нет ощущения того, что мы тонем. Да, государственная система плоха, средства масс-медиа вызывают чувство тревоги, но у людей есть открытость к новому, **есть желание экспериментировать.**

Татьяна Бабушкина: Мы переживаем с вами множество цивилизаций, и каждому человеку, попавшему в эту цивилизацию, даётся поручение по воссозданию или спасению, сохранению культуры. В разное время и по-разному. И поскольку — он становится **Человеком Спасающим**, то может осознавать и переживать ситуацию так, как будто культура гибнет и гибнет в последний раз. Иначе он и не будет **Спасающим**. Я понимаю, что происходило с Бердяевым, когда он сказал через полгода после революции, что лица людей изменились. Когда я сейчас вижу квадратные лица, мне кажется что мы переживаем вновь 20–30-е годы.

Любовь Бажанова: Ещё неизвестно, что будет, если мы не сделаем того, что **должны сделать**. Ответственность за каждый миг — очень важна.

Евгения Апарина: Если я уйду с работы журналиста и буду работать в клубе, который уже создала, что останется на телевидении и что исчезнет? Могут исчезнуть нравственно-этическая проблематика, разговоры о жизни... Надо ведь не только с детьми разговаривать, но и со взрослыми. Взрослых надо через те «Костры» собирать. Взрослым нужна поддержка. Необходимо создавать нравственную атмосферу в обществе. И об этом в ре-

дакции пишут люди.

Евгений Рудаков: Ещё несколько лет назад я понял, что без кризиса жить нельзя. Это — нормальное состояние развития. Иначе мы ничего не сделаем. Какие-то формы себя изжили, может быть, даже хорошие. Но отжившее уже мертво. Мне нравится сравнение ситуации не с «Титаником», а со старым садом. Какие-то деревья плодоносят, но пройдет год-другой, и они перестанут плодоносить. Растёт новое. Важно быть уверенным, что вырастет лучшее.